

КРИТЕРИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСА О ПРЕДДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Анна Андреевна Кружевникова

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
Санкт-Петербург, Россия, a.kruzhevnikova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты института преддоговорной ответственности в гражданском праве. В частности, исследованы многообразие толкования понятия «добросовестности» и проблемы, связанные с отсутствием общего знаменателя относительно выделения ее особых свойств; обозначены признаки недобросовестного поведения, такие как предоставление стороне неполной или недостоверной информации и внезапное прекращение переговоров одной из сторон, при условии, что другая сторона не могла предполагать, что это произойдет. Также исследованы проблемы создания комфортной «договорной среды» и изучена судебная практика по заявленной проблематике.

Ключевые слова: гражданское право, договор, добросовестность, преддоговорная ответственность, договорные отношения

Для цитирования: Кружевникова А. А. Понятие и критерии добросовестности при разрешении вопроса о преддоговорной ответственности в гражданском праве РФ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 94–101. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-94-101>

Problems of Civil, Business and Private International law

Original article

CRITERIA OF GOOD FAITH WHEN RESOLVING THE ISSUE OF PRE-CONTRACTUAL LIABILITY IN CIVIL LAW

Anna A. Kruzhevnikova

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint Petersburg, Russia,
a.kruzhevnikova@yandex.ru

Abstract. The article deals with the theoretical and practical aspects of the institution of pre-contractual liability in civil law. In particular, the variety of interpretations of the concept of "good faith" and the problems associated with the lack of a common denominator regarding the allocation of its special properties are investigated; signs of dishonest behavior are indicated, such as the provision of incomplete or inaccurate information to a party and the sudden termination of negotiations by one of the parties, provided that the other party could not have expected this to happen. The problems of creating a comfortable "contractual environment" were also investigated and judicial practice on the stated issues was studied.

Keywords: civil law, contract, good faith, pre-contractual liability, contractual relations

For citation: Kruzhevnikova A. A. Concept and criteria of good faith when resolving the issue of pre-contractual liability in civil law of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):94–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-94-101>

Концептуальное представление о правильности построения гражданско-правового диалога – предмет множества научных работ. Его формирование, как отмечается учеными, является основой не только для построения определенной модели договорного взаимодействия, но и позволяет выработать видение о справедливости такого взаимодействия, а также определить какие именно законодательные коррективы помогут добиться того, чтобы упомянутая справедливость не была эфемерной.

Как справедливо подметил автор диссертационного исследования «Несправедливые условия договора в российском гражданском праве» О. И. Мягкова, законодательное представление о создании формата «справедливых отношений» в отечественной цивилистике – процесс, который требует усилий не только со стороны тех, кто находится во главе социальных инициатив и непосредственно влияет на образование необходимой гражданской (правовой) составляющей, но и тех, кто своими действиями реализует ее на практике [1].

Между тем, в большинстве случаев, когда речь идет о таких правовых категориях, как: своевременность, обязательность, добросовестность, законодатель не отражает в полной мере их сущности, а упоминание в законе о их существовании скорее оставляет вопрос их осмысления и реализации сторонам договора. Поэтому, вполне показательно, что стороны, даже строго следуя принципам договорной логики, не всегда могут предугадать развитие событий, или, как показывает практика, учесть всевозможные риски, часть которых, порой, формируется по причине некачественного составления соглашения [2].

Более того, рассматривая понятие «добросовестность», критерии которого до настоящего времени вызывают достаточно много споров в научной среде [3], очень сложно выработать определение, которое позволяло бы сторонам учесть всевозможные факторы и тем самым исключить из зарождающихся отношений негативную составляющую на первоначальном этапе их формирования. Из чего следует, что аспект необходимого взаимодействия между органами субъектами гражданского права, а также продуктивности решений (договоренностей), принимаемых по его результатам, с точки зрения такой важнейшей составляющей как «добросовестность», справедливо замыкается на активность последних. При этом, на законодателя только возлагается задача создания модели, позволяющей гражданам максимально эффективно реализовывать свои права в части возможности реализации своих притязаний на конкретный интерес. Следовательно, вопрос создания безопасной «договорной среды» – прерогатива самих участников.

Вместе с тем, при оценке факторов, влияющих на конфигурацию понятия «добросовестность», отдельное внимание привлекает вопрос распределения ответственности на те зоны гражданско-правового поведения, где риски носят наиболее вероятностный характер. В частности, в большей степени это связано с преддоговорной стадией развития отношений, на этапе которой контрагенты предпринимают (или должны предпринимать) действия, содержащие признаки договорной конклюдентности. Здесь вопрос договорной добросовестности может иметь наиболее острое значение, так как приготовления к заключению соглашения могут иметь различное выражение, в том числе включающее в себя совершение действий, носящих безвозвратный характер, выражающихся в значительных материальных затратах.

Для более предметной оценки такого выражения, как «добросовестность» на преддоговорной стадии развития отношений, необходимо затронуть его основные признаки, и в соответствии с общим представлением о его природе и свойствах, дать оценку его сущности с точки зрения гражданского права. Не будем заострять внимание на позиции ученых по данному вопросу, скажем лишь только то, что с точки зрения цивилистов (как отечественных, так и зарубежных) черты добросовестности могут выражаться в следующем: четкое следование условиям договора, недопущение случаев злоупотребления правом, выполнение обязательств, внедоговорное уведомление о возможном развитии событий, не предусмотренных соглашением.

Как верно подмечено К. В. Намом, разнообразие выражения эссенции «добросовестность» в гражданском праве основано на том, что исследователи пока еще не могут прийти

к общему знаменателю относительно выделения его особых свойств. В этом отношении доктринальная логика переполнена различными мнениями и суждениями, что, несомненно, сказывается на правильности его понимания с точки зрения законодательного закрепления.

В дополнение ко всему, добросовестность как фактор отражения сущности права в целом может охватывать разнообразные сферы социального взаимодействия (семейные отношения, публичные отношения, вещное право, и др.), а потому принципы определения этого понятия также могут быть разными [4]. При этом, что характерно, в гражданско-правовой доктрине понятие «добросовестность» воспринимается не только как принцип, но и как: средство, обязанность, оценочная категория иных составляющих права, и даже как подвид ответственности [5].

В свою очередь, законодательное (правоприменительное) представление о добросовестности берет свое начало в положениях ст. 1 Гражданского Кодекса РФ (далее по тексту – ГК РФ¹), где указано, что реализация гражданских прав со стороны участников гражданских правоотношений должна осуществляться добросовестно. В свою очередь, в правоприменительной доктрине его сущность раскрывается за счет определения следующих факторов: нарушение требований действующего законодательства, а также выход за рамки договорной конкуренции². Между тем, в общеправовой концепции оценки установленного принципа Верховный Суд РФ предлагает признавать недобросовестным поведением то, которое может отходить от предполагаемого сторонами гражданского оборота, и способствует внесению в имеющиеся отношения неконструктивной (разрушающей) составляющей³. В последнем случае, правоприменительная логика нередко развивается по пути построения превентивной модели реагирования, затрагивающей в том числе и вопрос преддоговорной составляющей сложившихся отношений⁴.

В указанной связи разумно будет исследовать то, из чего именно будет складываться понятие «добросовестность», при условии, что речь идет о сторонах, обязательства которых еще не закреплены соглашением, но уже вступивших в договорные отношения. В контексте поставленного вопроса наиболее острое значение имеет фактор определения ответственности, при условии, что поведение контрагентов выходит за рамки добросовестного. Попробуем рассмотреть вопрос такой ответственности через призму оценки поведения контрагента, действия которого могут быть признаны недобросовестными в рамках проведения переговоров.

Так, положение о правилах ведения переговоров при заключении договора было введено в 2015 г., когда законодательное представление о преддоговорной ответственности начало свое последовательное формирование путем внесения соответствующих поправок в нормы гражданского права. В частности, законодателем были разработаны и введены правила, предусмотренные ст. 434.1 ГК РФ⁵. При этом, вполне разумно, что идея о преддоговорной ответственности лица, стремящегося вступить в гражданско-правовые отношения, берет свое начало из принципа добросовестности. Это последовательно вытекает из презумпции, гласящей о том, что достигнутые обязательства, не подкрепленные договором, исключают возможность

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. ст. 3301.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 N 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 5. Май. 2021.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. Август. 2015.

⁴ Решение № 2-1058/2020 2-1058/2020~М-904/2020 М-904/2020 от 2 ноября 2020 г. по делу № 2-1058/2020 // [Электронный источник]. Доступ: sudact.ru/regular/doc/4xP5BRxP64UV/ (дата обращения: 05.02.2023).

⁵ Федеральный закон от 08.03.2015 N 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. N 10. ст. 1412.

их нарушения с какой-либо стороны [6]. Более того, нормативные предписания о преддоговорной ответственности уже давно входят в правовые источники разных стран¹.

В то же время, российский законодатель, формируя по сути новый институт, не учел некоторые обстоятельства, а именно то, что эманация принципа добросовестности, помимо заимствования и имплементации норм других законов, должна нести в себе еще и необходимые ограничения, поскольку при установлении правил проведения переговоров следует учитывать такие факторы, как: динамика развития отношений и доверие между сторонами.

Вполне закономерно, что введенные правила должны были создать механизм превентивного направления, позволяющий исключить недобросовестность поведения в дальнейшем. Однако, на практике, данный аспект не получил должного развития. Верховный Суд РФ в одном из своих постановлений продолжил линию развития преддоговорной ответственности, но сформировать его качественную конъюнктуру так и не смог². Причиной чему стало слишком редкое прибегание к переговорам как к обязательному этапу заключения соглашений. Именно в этом акте Верховный Суд РФ выработал некоторые признаки недобросовестного поведения. К ним он отнес в первую очередь:

1) предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умалчивание стороной (сокрытие) важнейших обстоятельств (п. 1 ст. 434.1 ГК РФ);

2) внезапное прекращение переговоров одной из сторон, при условии, что другая сторона не могла предполагать, что это произойдет (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ).

В случае, если речь идет о привлечении к ответственности за действия, которые по мнению истца (стороны) стали причиной его недобросовестности, ответчик (виновная сторона) обязан опровергать вышеуказанные обстоятельства. Так, например, одна из сторон, получив определенную информацию, предпочла не проводить дальше переговоры, вышла из них, и использовала полученные сведения в своих целях, тем самым получив выгоду. В таком случае, если виновная сторона не докажет, что она обладала такой информацией ранее, суд применит к ней штрафные санкции [7]. На основании чего сторона, которая была признана недобросовестной при ведении переговоров, обязана возместить убытки, причиненные вышеуказанными действиями. Более того, должно быть восстановлено положение, которое могло бы сформироваться, если бы потерпевшая сторона не вступила в переговоры с недобросовестным контрагентом (ст. 15, п. 2 ст. 393, п. 3 ст. 434.1, абзац первый п. 1 ст. 1064 ГК РФ).

Указанный правовой базис позволяет констатировать, что для образования фактора недобросовестности, лицу, вступившему в переговоры, достаточно их прекратить без соответствующего уведомления (причины), либо в процессе их развития ввести в заблуждение другую сторону относительно каких-либо обстоятельств, имеющих значение для будущего договора. В последнем случае сторона вправе требовать возмещения убытков при условии, что недостоверная информация (либо предоставление неполной информации) повлияла на решение и стала причиной для отказа в заключении договора со стороны потерпевшего (п. 3 ст. 434.1 ГК РФ).

Учитывая затронутые положения, можно сказать, что «добросовестность» в преддоговорных отношениях зиждется на принципах учета поведения субъектов права, способных выражать свои намерения как действием, так и бездействием. И в том, и в другом случае основополагающим фактором в оценке такого поведения будет являться субъективное мнение, опровержение которого возможно только в судебном споре, и только со стороны ответчика (виновной стороны). Затрагивая данный фактор, логично обратить внимание на судебную практику применения положений ст. 434.1 ГК РФ, которая должна, с одной стороны, наиболее точно выразить сущность затронутого явления, с другой – внести ясность в основные черты его законодательного отражения.

¹ См., напр.: ч. 2 § 311 ГГУ; ст. 1112 ФГК.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. N 70. 04.04.2016.

Между тем на практике применения указанных положений складывается картина, включающая в себя парадоксальные случаи. Например, известны случаи, когда стороны стараются взыскать убытки в порядке ст. 434.1 ГК РФ не по переговорам, а по обязательствам, вытекающим из предварительного договора. Во-первых, природа ответственности по обязательствам из добросовестного ведения переговоров и тех, что вытекают из предварительного соглашения, различна. В первом случае, ответственность носит деликтный характер, во втором, модель защиты строится на учете именно договорного интереса. Во-вторых, меры ответственности при защите указанных интересов различны: понуждение к заключению соглашения и возмещение убытков. В-третьих, различны и цели применения данных мер.

Представляется, что перечисленного более чем достаточно, чтобы верно дифференцировать понятие «добросовестность» в преддоговорной концепции отношений и скорректировать практику с учетом обозначенных условий. Однако, суды продолжают выносить решения, в сущности доказывая, что приведенные законодательные позиции нуждаются в совершенствовании. Так, постановлением АС Западно-Сибирского округа от 12.02.2019 по делу № А70-7180/2018¹ был установлен факт заключения предварительного договора аренды между двумя юридическими лицами. После выполнения ряда условий, стороны приступили к процедуре подписания основного договора аренды, однако, подписать его не удалось, поскольку в самом тексте соглашения были прописаны условия, которые ранее оговоренным договором предусмотрены не были. В результате иск о понуждении к заключению договора был удовлетворен, при этом суд сослался именно на положения подп. 2 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ, указав, что указанные отношения носили именно преддоговорной характер.

Предполагается, что такой подход не применим в указанной ситуации, так как в таком случае нелогично ставить вопрос о добросовестности или недобросовестности, поскольку причина, по которой происходит уклонение от исполнения обязательства из предварительного договора, в большинстве случаев нерелевантна и несопоставима с той целью, которую преследуют стороны, когда вступают в переговоры. Более того, заключение пусть и предварительного договора исключает возможность оценивать данные отношения как преддоговорные.

Учитывая, что представление о «добросовестности» должно строиться на оценке, в первую очередь, действий сторон отношений, логично предположить, что его конъюнктура (признаки и понимание) будет складываться из того, насколько эти действия могут нанести вред данным отношениям, либо внести в их развитие составляющую, не позволяющую субъектам удовлетворить тот интерес, ради которого они в указанные отношения и вступали. Безусловно, что именно позиция законодателя в данном вопросе будет доминирующей, а суда (в силу «права на усмотрение») – определяющей. Поэтому основными признаками такого понятия будут те, что установлены законодателем, при условии должной оценки сложившихся отношений. Они в исследовании указаны, а также приведен пример неверного понимания сущности преддоговорных отношений, когда суды, стараясь учесть влияние понятия «добросовестность» на иные, схожие с преддоговорными отношения, исходят из того, что у него нет конкретных начал. Это и есть суть вопроса – законодатель устанавливает одно, правоприменитель – другое, исследователь – оспаривает их позиции, указывая на недостатки, но и не утверждает, что и первый, и второй, ошибаются. При этом, одно отнюдь не исключает другое.

В свою очередь, научная новизна настоящего исследования выразилась в том, чтобы не просто подвергнуть критике уже отраженные в законодательстве признаки, и, через призму отдельных реалий, показать их *несовершенство*, а в том, чтобы, указывая на конкретные аспекты, образующие такое несовершенство, и как следствие, путаницу, показать – почему именно законодатель, используя право на установление их составляющих, так и не смог достичь затребуемого результата.

¹ Постановление АС Западно-Сибирского округа от 12.02.2019 по делу № А70-7180/2018 // [Электронный источник]. Доступ: <https://faszso.arbitr.ru/> (дата обращения: 05.02.2023).

Бесспорно, что первопричиной затронутых расхождений во мнениях является то, что определение «доброй совести» скорее философское по своей сути, а следовательно, спорное, априори. На данное обстоятельство указывает не только плюрализм научных взглядов, но и то, что философия права скорее позволяет рассуждать о свойствах «bona fides», нежели дает нам ответ о его сущности [8]. Однако, в силу многозначительности «добросовестности», в начале исследования мы попытались отнести объективное представление о нем в сторону того, что динамика отношений представляет из себя основной фактор становления (и изменения) любого правового явления, равно как и то, что указанная динамика не позволяет достичь четкого представления о его свойствах, если законодатель не следит за ее тенденциями. Но, как того требует доктринальная логика – любое научное представление требует от нас предметного (конечного) выражения сути, что в данном случае и стало целью исследования. Во всяком случае, анализ признаков «добросовестности» привел нас к тому, что несогласие между тремя составляющими – «законодатель», «правоприменитель» и «исследователь», является следствием чрезмерно слабой координации в том вопросе, что «добросовестность» – явление неправовое (философский аспект).

Учитывая, что законодательная параметризация может существенно отличаться от научной, нам удалось подчеркнуть лишь расхождения в позициях, опираясь именно на те признаки, которые были непосредственно отражены в ст. 434.1 ГК РФ. В частности, вышеупомянутое *несовершенство*, в первую очередь, есть следствие неконкретности использования понятий со стороны законодателя при составлении юридической конструкции этих признаков.

Так, отражая в ст. 434.1 ГК РФ признаки добросовестности, законодатель изначально моделирует их сущность чрезмерно диспозитивно, предопределяя их последующее отражение термином «предполагается». То есть, законодатель не устанавливает ни каких признаков, хотя формально они и отражены в нормах права, а только предполагает, что они могут быть таковыми при некоторых условиях (законодательный аспект). Следовательно, проявление этих условий и есть та необходимая основа, которая будет выстраивать действие упомянутых признаков в качестве регулирующих принципов. К примеру, непонятно, что именно следует понимать под «неполной или недостоверной информацией», «внезапным и неоправданным прекращением», а также «разумным ожиданием», если их дефиниция не предусмотрена. В результате представление о свойствах «добросовестности» становится неустойчивым и решить его юридически применительную значимость может только суд. В таком случае, говорить о правильности предположения законодателя, поскольку он не раскрывает четко сущность условий, безусловно рано. Вот именно по этой причине на первый план выходит правоприменительная логика. Ее полноценность в данном вопросе представляется более предметной, но, как показывает практика, не исчерпывающей. Суды, учитывая, что позиция законодателя неимперативна, в свою очередь стараются, наоборот, упростить представление о «добросовестности», и тем самым недопустимо сужают сущность данных признаков, и именно поэтому их действие начинает распространяться и на другие (непреддоговорные) отношения (правоприменительный аспект).

Таким образом стоит констатировать, что «добросовестность» – это явление изначально неправовое, хотя и используется активно в праве, как сегмент оценки поведения. Именно по этой причине, приведя пример с предварительным договором, мы сделали вывод о том, что применение принципа добросовестности преддоговорных отношений возможно и к отношениям, которые вытекают из его заключения, но лишь в том случае, если их конъюнктура носит именно преддоговорной характер. Именно по этой причине, суды и допускают ошибки, по сути, не видя разницы между добросовестностью в схожих отношениях.

С другой стороны, стоит отметить, что преддоговорная основа еще не так развита, чтобы затронутые указанным исследованием принципы оценки совершаемых сторонами действий могли сформироваться в окончательной форме.

Предположение законодателя о признаках «недобросовестности» скорее становится точкой отсчета в его проявлении в преддоговорных отношениях, но не решает проблему с её устранением. Происходит как бы их постоянное апробирование, в том числе сопровождаемое конкретной практикой. Да, есть законодательное представление, правоприменительное видение, но, те проблемы, которые мы затронули свидетельствуют о том, что указанных позиций для наведения порядка явно недостаточно. И ничего нельзя сделать, ибо динамика развития отношений перманентна, а потому реальность просит пересматривать их качество, вне зависимости от того, насколько те или иные отношения могут быть прозрачными и безопасными для действий сторон.

Положения ст. 434.1 ГК РФ не исключение. Здесь, законодатель дает оценку отношений с точки зрения добросовестности, при этом им перечисляются ряд действий, которые, по его мнению, могут формально отражать её сущность, а то насколько они могут оказаться недобросовестными, будет определять суд или иной орган, уполномоченный давать соответствующую оценку. Однако, это не повод, чтобы не прибегать к той позиции, которая позволяет установить, что действия в преддоговорных отношениях могут быть признаны недобросовестными при конкретных случаях, случаях, указанных в законе, но это совсем не значит, что именно такие случаи позволяют получить объективное (исчерпывающее) представление о добросовестности в преддоговорных отношениях.

Список источников

1. Мягкова О.И. Несправедливые условия договора в российском гражданском праве: дисс...канд. юрид. наук. Специальность: 12.00.03. М., 2020. 223 с.
2. Вербицкая И. К. Актуальные вопросы распределения рисков в договоре строительного подряда // *Право.by*. 2021. № 4(72). С. 29–35.
3. Султонова Т.И. Категория добросовестности в гражданском и конкурентном праве // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 84–90.
4. Нам К.В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта: дисс...докт.юрид.наук. Специальность. 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. М., 2021. 449 с.
5. Кирина Е.О. Добросовестность как одно из основных начал в гражданском праве: догматические основы понимания // *Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы: материалы V межвузовской студенческой научной конференции*, Москва, 03 декабря 2020 года. М.: Московский педагогический государственный университет, 2021. С. 569–574.
6. Демкина А. В. Преддоговорное правоотношение-обязательство: основы теории. М.: ООО "Перспектив", 2021. 272 с.
7. Автонова Е. Д., Астапенко П. А., Борейшо Д. В. и др. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» (часть 3) // *Вестник экономического правосудия РФ*. 2019. № 11. С. 71–126.
8. Карлявин И. Ю. Методологическое значение категорий *fides* (совесть) и *bona fides* (добрая совесть) в римском частном праве // *Lex Russica* (Русский закон). 2015. Т. 98. № 1. С. 130–140.

References

1. Myagkova O. I. *Unfair terms of the contract in Russian civil law: diss...cand. jurid. sciences'*. Specialty: 12.00.03. Moscow; 2020. 223 p. (In Russ.)
2. Verbitskaya I. K. Actual issues of risk distribution in the construction contract. *Право.by*. 2021;4(72):29–35. (In Russ.)

3. Sultonova T. I. Category of integrity in civil and competitive law. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of South Ural State University. Series: Right.* 2022;22(1):84–90. (In Russ.)

4. Nam K. V. *The principle of good faith. Fundamentals of theory and law enforcement in the context of German legal experience: diss...* Doctor of Legal Sciences. Specialty. 12.00.03 - Civil law; business law; family law; international private law. Moscow; 2021. 449 p. (In Russ.)

5. Kirina E.O. Conscientiousness as one of the main principles in civil law: dogmatic foundations of understanding. In: *Law and order: history, modernity, topical problems: materials of the V Intercollegiate Student Scientific Conference*, Moscow, December 03, 2020. Moscow: Moscow State Pedagogical University; 2021:569–574. (In Russ.)

6. Demkina A. V. *Pre-contractual legal relationship-obligation: the foundations of theory.* Moscow: Prospect Limited Liability Company; 2021. 272 p. (In Russ.)

7. Avtonova E.D, Astapenko P. A., Boreisho D. V., et al. Commentary on the resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation of 25.12.2018 No. 49 "On some issues of applying the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of a contract" (part 3). *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation.* 2019;(11):71–126. (In Russ.)

8. Karlyavin I. Y. Methodological significance of the categories fides (conscience) and bona fides (good conscience) in Roman private law. *Lex Russica (Russian Law).* 2015;98(1):130–140. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Кружевникова – кандидат политических наук, доцент кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта СПбГАСУ.

Information about the author

A. A. Kruzhevnikova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Urban Planning and Transport of Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 03.03.2023.

The article was submitted 17.02.2023; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 03.03.2023.